

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

УДК 331.52

DOI: 10.17223/19988648/39/6

И.А. Забелина, Е.А. Клевакина, И.С. Денисенко

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ВОСТОЧНЫЕ РЕГИОНЫ НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ¹

Статья посвящена исследованию структурных сдвигов в занятости населения регионов трансграничного взаимодействия с КНР. Установлено, что за рассматриваемый временной интервал структура занятости населения в этих регионах трансформировалась более существенно, чем на национальном уровне, что свидетельствует о наличии определенных особенностей. Использование метода разложения абсолютного изменения численности занятых в экономике на обусловившие его компоненты позволило выделить виды деятельности, которые в последние годы подверглись наибольшему воздействию регионального фактора в контексте развития трансграничных взаимоотношений.

Ключевые слова: структура занятости, приграничные регионы, российско-китайское сотрудничество, структурные сдвиги, отрасли специализации.

В настоящее время развитие Сибири и Дальнего Востока обозначено одним из ключевых направлений региональной политики РФ. Это связано с сохраняющимся отставанием в уровне социально-экономического развития восточных регионов, а также необходимостью активизации деятельности по включению их в международное сотрудничество со странами АТР. При этом особое внимание уделяется взаимодействию с Китаем, который в последние годы активно продвигает инициативу «Экономический пояс Шелкового пути...» (ЭПШП). Данная стратегия – это не конкретный механизм, а «идея и формула развития, платформа взаимодействия, эффективного регионального сотрудничества с опорой на двусторонние и многосторонние форматы, сложившиеся у Китая со многими странами» [1. С. 100]. В соответствии с концепцией ЭПШП стратегические интересы КНР существенно выходят за ее границы и сосредоточиваются на территории стран Азии, Европы и Африки. В основе этого крупнейшего проекта, который, по некоторым оценкам, охватывает 43% мировой территории и 66,9% численности населения [2], лежат торгово-инвестиционная область, а также политические и торговые свободы.

Китай и Россия, которая активно включилась в данный процесс, выдвинули идею и подписали совместное заявление о сопряжении строительства Евразийского Союза и ЭПШП [3]. Очевидно, что столь масштабная инициатива не может не оказать некоторое влияние на экономическое развитие при-

¹ Работа выполнена по проекту № 0386-2015-0001 «Социально-экономические и ресурсные аспекты трансграничного сотрудничества приграничных регионов Сибири». Базовый инструментальный разработан в рамках работ по Программе ФНИ СО РАН на 2017–2020 гг. (Проект XI.174.1.8).

граничных регионов Сибири и Дальнего Востока, поскольку именно в них в последние годы реализуются совместные российско-китайские проекты. В этой связи в научной литературе рассматриваются различные аспекты взаимоотношений двух стран. Например, в работе [4] выполнен анализ влияния эффекта приграничности на инвестиционные процессы, который показал, что приграничное положение не меняет тенденцию общего отставания восточных регионов от среднероссийского уровня. Другие авторы исследуют эколого-экономические аспекты взаимодействия между странами. В работе [5] показано, что экоинтенсивность хозяйственной деятельности в регионах РФ по некоторым показателям существенно выше, чем в регионах КНР, что означает для России более высокий уровень негативного воздействия на природные среды в расчете на единицу созданной добавленной стоимости. В работе [6] рассматривается процесс трансформации воспроизводственной структуры в российских и китайских регионах, вовлеченных в процессы трансграничного взаимодействия, а также в РФ и КНР. Авторы пришли к выводу, что качественные параметры структурных сдвигов не одинаковы – в КНР увеличивается доля услуг, в том числе финансового сектора, в то время как в регионах РФ активно расширяется доля добывающей промышленности.

Поскольку одним из положительных эффектов от реализации совместных проектов является создание новых рабочих мест, в данном исследовании мы сфокусируемся на анализе изменений, произошедших в структуре занятости населения в восточных регионах РФ, а также качественной оценке условий развития отдельных видов экономической деятельности.

Становление основных положений теории структурных сдвигов начинается с работ представителей различных экономических школ – А. Смита, К. Маркса, Р. Стоуна, Дж. Кейнса и др. Среди современных исследований, посвященных структурным изменениям, существует большое количество как теоретических, так и эмпирических работ. Теоретические работы посвящены развитию методологических основ и методов измерения наблюдаемых трансформаций [7–9]. Эмпирические исследования сосредоточены преимущественно на количественной оценке происходящих изменений в мировой экономике [10], национальных экономиках [11–12], а также на уровне отдельных регионов [13–16] или секторов [17–18]. Некоторые исследователи фокусируются на изучении взаимосвязи между структурными сдвигами и другими процессами, например, в работе [19] исследуется взаимосвязь между структурными изменениями и экономическим ростом, в работе [20] – уровнем развития технологий. Большое внимание уделяется моделированию структурных сдвигов при помощи традиционных [21–23] и нетрадиционных подходов. Например, в статье [24] авторы предлагают геометрический подход к моделированию структурных сдвигов в занятости населения трехсекторной экономики. На основе данного исследования авторы делают вывод о зависимости наблюдаемых изменений от унаследованного пути развития, что позволяет значительно сократить количество реально возможных сценариев трансформаций в обозримом будущем, принимаемых во внимание при разработке программных и стратегических документов со стороны органов государственной власти.

Основной целью данной работы является анализ структурных сдвигов в занятости населения восточных регионов РФ, вовлеченных в трансграничное взаимодействие с КНР. Временные рамки исследования определяются наличием статистических данных о структуре занятости населения в разрезе видов экономической деятельности (ВЭД), которые представлены Федеральной службой государственной статистики за период с 2005 по 2014 г. [25]. Были рассмотрены два временных интервала:

1) период с 2005 по 2014 г. – для того, чтобы оценить произошедшие изменения в структуре занятости регионов;

2) период с 2010 по 2014 гг. – для того, чтобы выявить возможные изменения в структуре занятости регионов, произошедшие под влиянием реализующейся программы приграничного сотрудничества между регионами РФ и КНР [26].

Количественная оценка сдвигов в структуре занятости населения выполнялась с использованием одного из наиболее распространенных показателей – индекса структурных сдвигов А. Салаи [6, 13]. Он учитывает интенсивность различий долей по отдельным группам, удельный вес сопоставляемой пары групп в сравниваемых структурах и количество выделенных категорий. Для расчета индекса используется следующая формула:

$$I_s = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{d_1 - d_0}{d_1 + d_0} \right)^2}{n}}, \quad (1)$$

где d_1 и d_0 – удельный вес (доля) части совокупности за рассматриваемый и базовый периоды; n – число групп.

Значение индекса Салаи изменяется в диапазоне от 0 до 1. Интерпретация полученных результатов выполнялась при помощи шкалы оценки меры существенности структурных различий [14]:

- от 0 до 0,030 – тождественность структур;
- от 0,031 до 0,070 – весьма низкий уровень различия структур;
- от 0,071 до 0,150 – низкий уровень различия структур;
- от 0,151 до 0,300 – существенный уровень различия структур;
- от 0,301 до 0,500 – значительный уровень различия структур;
- от 0,501 до 0,700 – весьма значительный уровень различия структур;
- от 0,701 до 0,900 – противоположный тип структур;
- от 0,901 до 1 – полная противоположность структур.

Также в работе рассматриваются факторы, которые обусловили наблюдаемые изменения в структуре занятости регионов. Для оценки их влияния был использован подход [15], который предполагает разложение абсолютно-го изменения численности занятых (SS) на компоненты – национальный (NS , отражает влияние национальных факторов роста), региональный (RS , отражает влияние региональных факторов роста) и отраслевой (IM , отражает влияние отраслевых факторов роста):

$$NS_{ir}^t = Q_{ir}^{t-1} \left(\frac{Q_n^t}{Q_n^{t-1}} - 1 \right), \quad (2)$$

$$IM_{ir}^t = Q_{ir}^{t-1} \left(\frac{Q_{in}^t}{Q_{in}^{t-1}} - \frac{Q_n^t}{Q_n^{t-1}} \right), \quad (3)$$

$$RS_{ir}^t = Q_{ir}^{t-1} \left(\frac{Q_{ir}^t}{Q_{ir}^{t-1}} - \frac{Q_{in}^t}{Q_{in}^{t-1}} \right), \quad (4)$$

где Q_n^t, Q_n^{t-1} – численность занятых в экономике страны в текущем и базовом периодах; Q_{in}^t, Q_{in}^{t-1} – численность занятых в i -й отрасли в целом по стране в текущем и базовом периодах; Q_{ir}^t, Q_{ir}^{t-1} – численность занятых в i -й отрасли в регионе в текущем и базовом периодах.

Сумма этих компонентов будет определять общую величину структурного сдвига:

$$SS = Q_{ir}^t - Q_{ir}^{t-1} = NS + IM + RS. \quad (5)$$

По соотношению показателей IM и RS можно классифицировать виды экономической деятельности и выявить отрасли, способные стать основой регионального развития [15]:

– 1-й тип ($IM > 0; RS > 0$) характеризуется наличием благоприятных региональных и отраслевых условий развития;

– 2-й тип ($IM < 0, RS > 0, |IM| < |RS|$) характеризуется преобладанием благоприятных региональных условий развития над не вполне благоприятными отраслевыми условиями развития;

– 3-й тип ($IM > 0, RS < 0, |IM| > |RS|$) характеризуется преобладанием благоприятных отраслевых условий развития над не вполне благоприятными региональными условиями развития;

– 4-й тип ($IM < 0, RS > 0, |IM| > |RS|$) характеризуется ситуацией, когда благоприятные региональные условия не в состоянии перевесить неблагоприятные отраслевые условия развития;

– 5-й тип ($IM > 0, RS < 0, |IM| < |RS|$) характеризуется ситуацией, когда благоприятные отраслевые условия не в состоянии перевесить неблагоприятные региональные условия развития;

– 6-й тип ($IM < 0; RS < 0$) характеризуется наличием неблагоприятных региональных и отраслевых условий развития.

Оценка степени специализации региона на каком-либо ВЭД выполнялась с использованием коэффициента локализации [16]. Он рассчитывается как отношение доли населения, занятого в секторе i региона r (S_i^r), к соответствующему показателю для национальной экономики (S_i^r):

$$LQ_i = \frac{S_i^r}{S_i^n} LQ_i = \frac{S_i^r}{S_i^N} \dots \quad (6)$$

Таблица 1. Распределение занятых по ВЭД в регионах Сибири и Дальнего Востока (% от общей численности), 2005 и 2014 гг.

ВЭД	РФ		Республика Бурятия		Забайкальский край		Иркутская область		Приморский край		Хабаровский край		Амурская область		Еврейская АО		Республика Алтай	
	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014
С/х, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	11,3	9,4	14,5	14,3	14,5	12,8	12,0	8,9	10,6	9,8	8,1	5,5	10,4	11,3	14,6	13,5	20,2	13,8
Добыча полезных ископаемых	1,6	1,6	2,4	2,0	5,2	3,8	1,8	2,4	1,4	1,1	1,8	1,7	2,6	3,1	1,5	1,7	0,9	0,8
Обрабатывающие производства	17,2	14,6	10,5	11,6	4,7	6,3	15,1	12,4	12,5	10,4	12,5	10,3	5,4	5,9	11,8	9,6	4,0	5,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,9	2,8	3,7	3,6	3,3	3,8	3,1	3,6	4,1	3,8	3,5	3,6	4,0	4,7	3,5	4,2	4,0	2,5
Строительство	7,4	8,4	5,3	6,4	5,1	7,3	5,5	8,5	5,4	6,3	7,5	9,1	9,2	11,4	5,8	8,5	5,8	9,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей; транспортные средств и пр.	16,6	18,7	12,6	14,8	13,3	12,8	15,4	17,6	18,2	20,0	21,0	19,1	19,9	20,4	14,9	14,4	13,2	16,7
Гостиницы и рестораны	1,7	1,9	1,4	3,0	1,4	1,1	1,7	1,8	2,7	2,7	1,7	1,9	2,8	1,2	0,8	1,1	1,1	2,6
Транспорт и связь	8,0	8,0	9,5	7,5	13,1	12,1	10,1	9,1	10,9	11,6	10,3	10,7	14,2	10,3	10,3	9,8	6,6	5,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,3	8,7	5,2	7,0	4,7	5,4	6,5	7,9	6,8	7,0	6,4	9,1	3,3	5,2	3,8	5,0	2,9	4,3

Образование	9,0	8,1	14,0	8,8	12,7	11,2	11,2	9,7	9,0	8,1	9,1	7,8	9,6	7,5	10,5	9,8	16,5	14,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,8	6,6	7,9	7,8	9,4	9,0	7,3	7,1	7,1	6,2	6,7	6,9	7,3	7,2	8,2	8,1	9,5	8,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,7	3,7	4,2	3,6	3,1	3,3	3,7	2,9	3,6	3,3	3,6	4,1	4,5	3,2	4,8	3,6	4,4	4,4
Прочие виды деятельности	6,5	7,6	8,7	9,6	9,4	11,1	6,6	8,2	7,8	9,7	8,0	10,1	7,0	8,7	9,7	10,8	10,9	12,3

Если значение коэффициента локализации больше 1, то отрасль считается отраслью специализации для данного региона. Чем больше значение показателя, тем выше степень концентрации данного ВЭД в регионе.

Сравнительный анализ среднегодовой численности занятых в регионах трансграничного взаимодействия показал, что основная часть занятого населения распределена в таких ВЭД, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Оптовая и розничная торговля» и «Транспорт и связь» (табл. 1).

За период с 2005 по 2014 г. во всех регионах, а также на уровне страны отмечалось заметное увеличение удельного веса строительной отрасли в общей численности занятых. Наряду с этим сократилась доля населения, занятого в образовательной деятельности, что наиболее заметно в Республике Бурятия, Амурской области и Республике Алтай. Также в отдельных регионах (Иркутской области, Приморском и Хабаровском краях, Еврейской АО) отмечалось заметное снижение доли обрабатывающих производств в общей численности занятого населения. По данным за 2014 г., удельный вес работников, задействованных в добывающем секторе экономики, колебался от 0,8% (Алтайский край) до 3,8% (Забайкальский край).

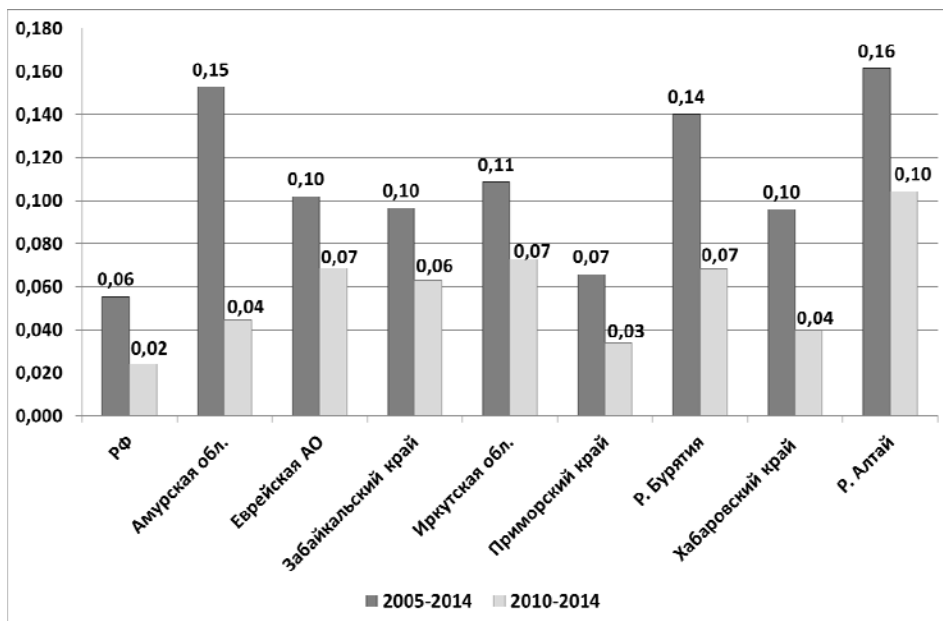

Рис. 1. Индекс Салаи для российских регионов и РФ

За весь исследуемый период структура занятости населения в регионах трансграничного взаимодействия с КНР трансформировалась следующим образом (рис. 1): значение индекса Салаи изменялось в диапазоне от 0,07 (Приморский край; в соответствии со шкалой существенности структурных различий – весьма низкий уровень различия структур) до 0,16 (Республика Алтай; существенный уровень различия структур). На национальном уровне изменения, наблюдаемые в структуре занятости населения, менее заметны –

значение показателя составило всего 0,06 (весьма низкий уровень различия структур), что свидетельствует о наличии определенных особенностей в регионах трансграничного взаимодействия.

Структура занятости в рассматриваемых регионах, несмотря на оживление приграничного сотрудничества, трансформировалась незначительно: уровень различия структур занятости в базовом (2010 г.) и рассматриваемом (2014 г.) периодах характеризовался как весьма низкий (Амурская область, Еврейская АО, Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края: значение индекса составляет 0,034–0,068) и низкий (Иркутская область и Республика Алтай: значение индекса составило 0,073 и 0,104 соответственно). Это связано в том числе с тем, что первоначальный перечень включенных в программу сотрудничества ключевых инвестиционных проектов неоднократно пересматривался, в него были внесены существенные коррективы. Так, например, в связи с ухудшением экономической ситуации в Забайкальском крае реализация некоторых инициатив (разработка Култуминского, Лугоканского и Солонеченского месторождений) была отложена инвестором на неопределенное время [27], а строительство и ввод в эксплуатацию горно-обогатительных комбинатов в рамках уже реализующихся проектов (например, Быстринский ГОК, на котором планируется создание 3 500 рабочих мест) осуществляется с существенным опозданием [28]. Подобная ситуация наблюдается и в отдельных регионах Дальневосточного федерального округа. Детальный анализ ситуации в отношении реализации ключевых проектов, которые были запланированы в Программе-2018, выполнен в работе [29]. Автор отмечает, что вследствие отсутствия реального интереса инвесторов не начата реализация отдельных проектов в минерально-сырьевом секторе и они находятся на стадии «Поиск инвестора».

Далее проанализируем компоненты, обусловившие структурные сдвиги в занятости населения регионов, вовлеченных в трансграничное взаимодействие. Более детально остановимся на ситуации в Забайкальском крае (табл. 2). Согласно полученным результатам, ВЭД «Обрабатывающие производства» занимает лидирующие позиции по показателю RS и не меняет их под возможным воздействием реализующейся программы приграничного сотрудничества. Также к числу отраслей, в которых изменение численности занятых происходит преимущественно под влиянием регионального фактора, можно отнести такие ВЭД, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство» и «Прочие виды деятельности», в состав которых входит «Государственное управление» и «Финансовая деятельность».

Воспользуемся описанным выше подходом и по соотношению компонентов RS и IM выделим значимые для занятости населения отрасли. Анализируя рис. 2, можно заключить, что благоприятными региональными и (или) отраслевыми условиями развития (отрасли 1–3-го типов) за рассматриваемые временные интервалы характеризовались следующие ВЭД: «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электрической энергии, газа и воды», «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», а также «Прочие виды деятельности». При этом обрабатывающая промышленность и электроэнергетическая отрасль по соотношению показа-

Таблица 2. Компоненты структурных сдвигов в занятости Забайкальского края, 2005–2014 и 2010–2014 гг.

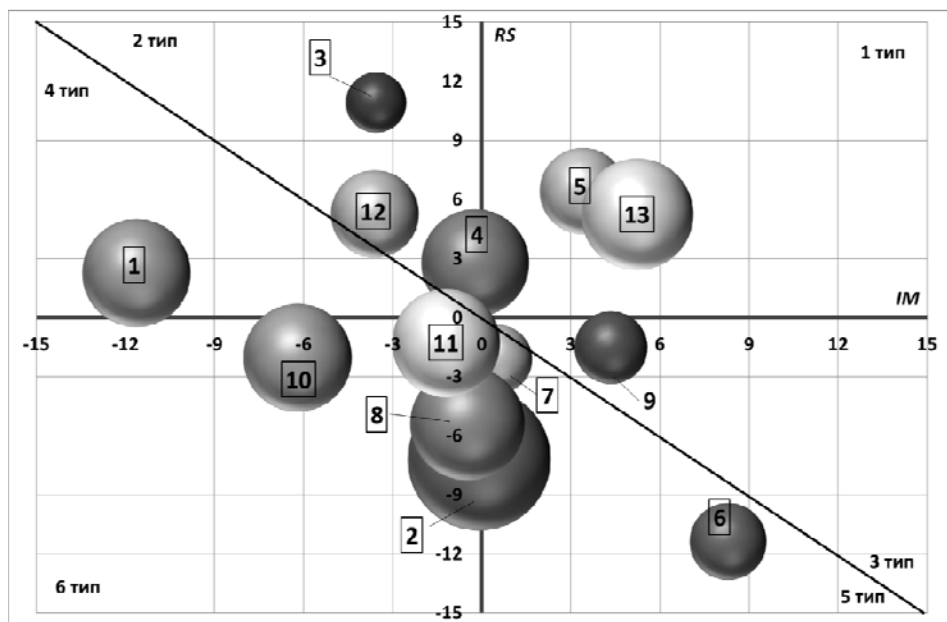
ВЭД	SS	NS	IM	RS	Ранг	SS	NS	IM	RS	Ранг
	2005–2014				RS	2010–2014				RS
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	–8,30	1,07	–11,64	2,27	6	–2,10	0,22	–4,11	1,78	3
Добыча полезных ископаемых	–6,90	0,38	–0,09	–7,19	12	–7,20	0,09	0,06	–7,35	13
Обрабатывающие производства	7,70	0,35	–3,57	10,92	1	7,60	0,08	–1,01	8,53	1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,80	0,24	–0,23	2,79	5	0,50	0,06	–0,35	0,79	4
Строительство	10,20	0,38	3,39	6,43	2	–1,20	0,13	1,79	–3,12	12
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	–2,10	0,98	8,29	–11,37	13	3,50	0,20	2,88	0,41	6
Гостиницы и рестораны	–1,50	0,10	0,52	–2,12	10	–0,30	0,02	0,39	–0,71	8
Транспорт и связь	–4,90	0,97	–0,49	–5,37	11	–2,20	0,21	0,49	–2,90	11
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3,20	0,35	4,35	–1,50	8	–0,20	0,09	2,38	–2,67	10
Образование	–7,30	0,94	–6,21	–2,03	9	–3,10	0,20	–3,90	0,60	5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	–1,80	0,69	–1,21	–1,28	7	–2,80	0,16	–1,41	–1,56	9
Предоставление прочих коммунальных услуг, социальных и персональных услуг	0,90	–0,76	–3,61	5,27	3	–0,60	–1,16	1,16	–0,60	7
Прочие виды деятельности	8,20	–2,28	5,23	5,25	4	0,00	–3,75	–4,06	7,82	2

телей *IM* и *RS* не меняли своего положения (в отличие от двух других видов деятельности) и устойчиво входили в группу отраслей 2-го типа, которая ха-

рактируется преобладанием благоприятных региональных условий над не вполне благоприятными отраслевыми условиями развития.

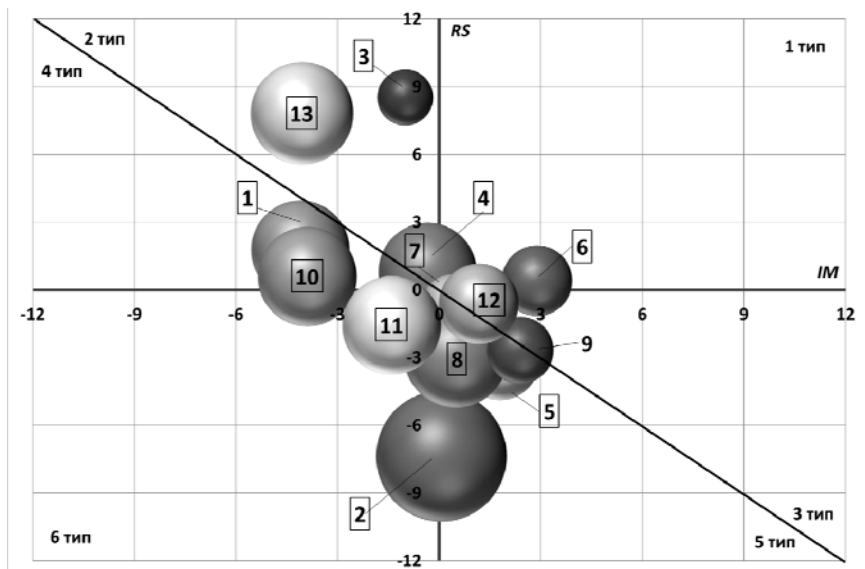
Строительная отрасль, которая изначально вошла в группу отраслей с благоприятными региональными и отраслевыми условиями развития (1-й тип), со временем изменила свое положение: переместилась в группу отраслей, в которых благоприятные отраслевые условия не в состоянии перевесить неблагоприятные региональные условия развития (5-й тип). Обратная ситуация наблюдается в оптовой и розничной торговле: в 2005–2014 гг. имела место ситуация, когда благоприятные отраслевые условия были не в состоянии перевесить неблагоприятные региональные условия развития, а с 2010 по 2014 г. развитие данного вида деятельности характеризовалось благоприятными как региональными, так и отраслевыми условиями.

В соответствии со значением коэффициента локализации (на рис. 2 определяется размером пузыря) выделены виды деятельности, на которых специализируется Забайкальский край. К ним относятся «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство», «Добыча полезных ископаемых», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», «Транспорт и связь», «Образование», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» и «Прочие виды деятельности».

а) 2005–2014 гг.

Рис. 2 (Начало)

б) 2010–2014 гг.

Рис. 2 (Окончание). Определение типов отраслей по соотношению показателей IM и RS в Забайкальском крае:

1 – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; 2 – добыча полезных ископаемых; 3 – обрабатывающие производства; 4 – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 5 – строительство; 6 – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и пр.; 7 – гостиницы и рестораны; 8 – транспорт и связь; 9 – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; 10 – образование; 11 – здравоохранение и предоставление социальных услуг; 12 – предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; 13 – прочие виды деятельности

Результаты расчетов, выполненных для регионов трансграничного взаимодействия, представлены в табл. 3. С 2005 по 2014 г. во многих из них благоприятные условия развития в контексте занятости населения складывались в таких видах деятельности, как «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (за исключением Еврейской АО, Приморского края и Республики Алтай), «Строительство» (за исключением Забайкальского края), «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» (за исключением Еврейской АО и Хабаровского края), «Гостиницы и рестораны» (за исключением Амурской области, Забайкальского и Приморского краев), «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (за исключением Забайкальского края) и «Прочие виды деятельности». В период активного развития приграничных взаимоотношений с КНР наиболее заметные изменения отмечались в строительной отрасли. Так, благоприятные региональные и отраслевые условия развития отрасли, которые отмечались в 7 из 8 регионов трансграничного взаимодействия, в большинстве из них сменились ситуацией, когда благоприятные отраслевые условия не в состоянии перевесить не-

благоприятные региональные условия развития. В число этих регионов входят Еврейская АО, Приморский край, республики Алтай и Бурятия.

Перспективы социально-экономического развития восточных регионов РФ связывают преимущественно с расширением горно-добывающей, топливной и лесозаготовительной промышленности, а значительная часть российско-китайских проектов, планируемых и уже реализуемых на территории российских регионов, ориентирована на добычу и первичную переработку природных ресурсов. Так, в Приморском крае в рамках утвержденной Программы социально-экономического развития предложено свыше 100 инвестиционных проектов во всех сферах деятельности, наиболее крупные из которых сосредоточены в топливно-энергетическом комплексе (строительство нефтехимического комплекса) и развитии транспортной системы [30]. В Еврейской АО наиболее масштабные инициативы – это строительство горно-обогатительного комбината, запуск которого состоялся в 2016 г., строительство мостового перехода и металлургического завода, газификация области [31]. В Хабаровском крае самые капиталоемкие из реализуемых в настоящее время проектов – строительство металлургического и целлюлозно-бумажного заводов, разведка и освоение месторождений меди и золота [32].

В Амурской области большое количество проектов сосредоточено в сельском хозяйстве, на добыче не топливно-энергетических (в т.ч. золото) полезных ископаемых, создается ГМК «Приамурье» с перспективой экспорта продукции в КНР, для чего предусмотрена соответствующая инфраструктура [33]. В Иркутской области существуют планы по увеличению золотодобычи, добычи редкоземельных металлов, разработке и обустройству нефтегазоконденсатных месторождений нефти, а также строительству завода черной металлургии [34]. В Забайкальском крае в ближайшее время будут запущены два горно-обогатительных комбината, расширяется добыча угля и золота, создается горно-металлургический кластер в г. Краснокаменске [35].

Далее проанализируем условия развития ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в регионах трансграничного взаимодействия. Только в трех регионах (Еврейской АО, Амурской и Иркутской областях) отмечены благоприятные региональные условия развития, которые в состоянии перевесить не вполне благоприятные отраслевые условия развития. В остальных регионах наблюдается ситуация, когда более благоприятные отраслевые условия не могут перевесить неблагоприятные региональные условия развития (Забайкальский край) или имеются неблагоприятные как региональные, так и отраслевые условия развития (Приморский и Хабаровский край, республики Алтай и Бурятия). Однако в период с 2010 по 2014 г. коренным образом меняется ситуация в двух регионах (Хабаровском и Приморском краях) и они, наряду с Еврейской АО и Иркутской областью, уже характеризуются благоприятными региональными и отраслевыми условиями развития добывающей отрасли. В Хабаровском крае прирост промышленного производства в добывающей отрасли за это время составил 35% [36]. Расширение производства в Приморском крае обусловлено увеличением добычи полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических. Только в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом объем добычи ресурсов данного вида увеличился на 68,5% [37], что также способствует созданию новых рабочих мест.

Таблица 3. Определение типов отраслей по соотношению показателей *IM* и *RS*, регионы трансграничного взаимодействия

ВЭД	2005–2014 гг.								2010–2014 гг.							
	Амурская обл.	Еврейская АО	Забайкальский край	Иркутская обл.	Приморский край	Республика Алтай	Республика Бурятия	Хабаровский край	Амурская обл.	Еврейская АО	Забайкальский край	Иркутская обл.	Приморский край	Республика Алтай	Республика Бурятия	Хабаровский край
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	2*	4*	4*	6	4*	6*	2*	6	6*	4*	4*	6	4*	6*	2*	6
Добыча полезных ископаемых	2*	2*	5*	2*	6	6	6*	6*	5*	1*	6*	1*	1	5	5*	1*
Обрабатывающие производства	2	6	2	6	6	2	2	6	4	6	2	6	6	2	2	6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2*	6*	2*	2*	6*	6	2*	2*	6*	6*	2*	2*	6*	6	6*	2*
Строительство	1*	1*	5	1*	1	1*	1	1*	1*	5*	1	1*	5	5*	5	3*
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и пр.	3*	5	1	3	3*	1	1	5*	1*	5	5	1	2*	1	3	5*
Гостиницы и рестораны	5	1	5	3	5*	1*	1*	1*	5	5	5	1	1*	1*	1*	1*
Транспорт и связь	6*	6*	5*	6*	2*	6	6	2*	5*	1*	6*	5*	5*	5	1	1*
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1	1	5	3	3	1	1*	1*	5	5	3	1	1	1	1*	5*
Образование	6	6*	4*	6*	6	6*	6*	6	6	4*	6*	6*	4	6*	6*	4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4*	6*	6*	6*	6	6*	2*	2*	6*	6*	6*	6*	6	4*	4*	2*
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5	6	3	5	4	3*	4	2*	6	2	2	6	4	4*	6	4*
Прочие виды деятельности	1*	3*	2*	1*	1*	3*	3*	1*	1*	5*	1	3*	1*	5*	5*	2*

Примечание. *ВЭД, на которых специализируется регион ($LQ \geq 1$)

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что за весь исследуемый период структура занятости населения в регионах трансграничного взаимодействия с КНР трансформировалась более существенно (значение индекса Салаи изменялось в диапазоне от 0,07 до 0,16), чем на национальном уровне, что свидетельствует о наличии определенных особенностей в регионах трансграничного взаимодействия. Использование метода разложения абсолютного изменения численности занятых в экономике на обусловившие это изменение компоненты позволило выделить часть видов деятельности, которые подверглись наибольшему воздействию регионального фактора. На фоне общего развития отрасли ввиду наличия благоприятных региональных условий стал развиваться гостиничный бизнес (в Иркутской области и Приморском крае), оптовая и розничная торговля (в Амурской и Иркутской областях), строительство (в Забайкальском крае), добыча полезных ископаемых (в Еврейской АО, Иркутской области, Хабаровском и Приморском краях).

Тенденция усиления сырьевой направленности экономики, наблюдаемая в настоящее время в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока, не может не вызывать определенных опасений. Необходимость снижения ресурсной направленности признается и органами государственной власти. Так, в основу базового сценария, предусмотренного Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. [38], положено развитие новых секторов экономики с глубокой переработкой сырья и создание инновационных предприятий, а также масштабное технологическое обновление и модернизация производств. Однако данные направления не стыкуются с конкретными программными документами в сфере приграничного сотрудничества [26], которые предусматривают реализацию на российской стороне преимущественно сырьевых проектов. Опасной тенденцией также можно считать и перенесение устаревших и экологически небезопасных технологий в приграничные регионы РФ под видом инвестиций из Китая [39, 40], который в последние годы взял курс на развитие низкоуглеродной и энергоэффективной экономики и ведет активную политику, направленную на сохранение собственных природных ресурсов и улучшение качества окружающей среды.

Другой не менее важной проблемой является наблюдаемая в последние годы устойчивая тенденция оттока населения с восточных территорий РФ. Так, по данным за 2014 г. [41], миграционная убыль населения была отмечена во всех упомянутых выше регионах (за исключением Республики Алтай). Исследование миграционных настроений молодежи в Забайкальском крае показало, что основные мотивы покинуть приграничный регион связаны с отсутствием возможности получить интересную работу и сделать карьеру, а также низкий уровень заработной платы в регионе [42]. Таким образом, о заметных изменениях в структуре экономических систем, интенсификации модернизационных процессов [43], а также заметном повышении благосостояния населения в восточных регионах говорить не приходится.

Необходимо заключить, что в условиях предполагаемого расширения сотрудничества в рамках ЭПШП важным направлением для достижения сбалансированного социально-экономического развития является создание региональных «точек» роста, зон свободного предпринимательства, развитие

малого бизнеса и сферы услуг, что, в свою очередь, будет способствовать росту занятости и улучшит современную ситуацию с миграционной убылью населения в восточных регионах.

Литература

1. Чжу Ю. «Один пояс, один путь» и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 100–106.
2. Dong S., Li Z., Li Y. *et al.* Resources, Environment and Economic Patterns and sustainable development modes of the Silk Road Economic Belt // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6, № 2. P. 65–72.
3. Идея сопряжения проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/interview/2015082704> (дата обращения: 24.01.2017).
4. Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9. С. 51–70.
5. Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6. С. 5–24.
6. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Структурные сдвиги в экономике приграничных регионов РФ и КНР // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 46 (331). С. 41–55.
7. Esteban-Marquillas J.M. A reinterpretation of shift-share analysis // Regional and Urban Economics. 1972. Vol. 2, № 3. P. 249–255.
8. Arcelus F. An extension of shift-share analysis // Growth and Change. 1984. Vol. 15, № 1. P. 3–8.
9. Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Науч. тр. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. Т. 1. С. 20–39.
10. Memedovic O. Structural change in the world economy: Main features and trends. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2010. 52 p.
11. Ehmer P. Structural change in China // Deutsche Bank Research. [Electronic resource]. URL: http://www.dbresearch.com/MAIL/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD0000000000270068.pdf (access date: 16.02.2011).
12. Luukkanen J., Panula-Ontto J., Vehmasa J. *et al.* Structural change in Chinese economy: Impacts on energy use and CO₂ emissions in the period 2013–2030 // Technological Forecasting and Social Change. 2015. № 94. P. 303–317.
13. Арапбаева Г.Г., Афанасьев В.Н. Прогнозирование структурных сдвигов в отраслевой структуре экономики Оренбургской области на основе системы эконометрических уравнений // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 13. С. 23–29.
14. Елхина И.А. Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2014. № 4 (53). С. 38–41.
15. Карлина Т.В. Идентификация ядер региональных экономических кластеров на основе анализа структурных сдвигов в условиях циклично развивающейся экономики // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 4. С. 22–25.
16. Строева Г.Н. Структурные изменения в занятости населения Хабаровского края // Учен. заметки ТОГУ. 2014. Т. 5, № 4. С. 1396–1398.
17. Shi Ch. Y., Yang Y.A. Review of shift-share analysis and its application in tourism // International Journal of Management Perspectives. 2008. № 1. P. 21–30.
18. Шмидт И.Ю. Структурные сдвиги в аграрном секторе экономики. Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. 175 с.
19. Fan Sh., Zhang X., Robinson Sh. Structural change and economic growth in China // Review of Development Economics. 2003. № 7(3). P. 360–377.
20. Urraca-Ruiz A. The technological dimension of structural change under market integration // Structural Change and Economic Dynamics. 2013. № 27. P. 1–190.
21. Chen B. Modeling and testing smooth structural changes with endogenous regressors // Journal of Econometrics. 2015. Vol. 185, № 1. P. 196–215.
22. Stock J.H., Watson M.W. Evidence on structural instability in macroeconomic time series relations // Journal of Business and Economic Statistics. 1996. № 14. P. 11–30.

23. Hansen B. The new econometrics of structural change: Dating breaks in U.S. Labor Productivity // Journal of Economic Perspectives. 2001. № 15. P. 117–128.

24. Stijepic D. A geometrical approach to structural change modeling // Structural Change and Economic Dynamics. 2015. Vol. 33. P. 71–85.

25. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 20.10.2017).

26. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 - 2018 годы) [Электронный ресурс]: Право РФ и КНР. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 01.09.2016).

27. Горные проекты Забайкалья [Электронный ресурс]: Региональный портал Дальний Восток и недропользование. URL: http://nedradv.ru/news/branch/?id_obj=02938b5c2157b22e8f17b92010001b4a (дата обращения: 01.09.2016).

28. Норникель пообещал запустить Быстринский ГОК на юго-востоке края в IV квартале 2017 г. [Электронный ресурс]: Городской портал Чита.py. URL: <https://www.chita.ru/news/88321/> (дата обращения: 02.12.2016).

29. Ломакина Н.В. Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // ЭКО. 2014. № 6. С. 25–39.

30. Программа социально-экономического развития Приморского края на 5 лет (2013–2017 годы) [Электронный ресурс]: Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php> (дата обращения: 19.01.2017).

31. Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области до 2020 года [Электронный ресурс]: Портал органов государственной власти Еврейской автономной области. URL: <http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/> (дата обращения: 19.01.2017).

32. Инвестиционные предложения [Электронный ресурс]: Инвестиционный портал Хабаровского края. URL: <http://invest.khabkrai.ru/> (дата обращения: 19.01.2017).

33. Программа социально-экономического развития Амурской области на 2013-2017 годы [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства экономического развития Амурской области. URL: <http://mer.amurobl.ru/ru/sections/55> (дата обращения: 25.11.2015).

34. Карта инвестиционных проектов [Электронный ресурс]: Инвестиционный портал Иркутской области. URL: <http://invest.irkobl.ru/ru/catalog?type=projects&hide-map=0&area=&otrasl=&nm=&cost%5Bmin%5D=&cost%5Bmax%5D=> (дата обращения: 19.01.2017).

35. Концепцию Забайкальского горно-металлургического кластера обсудили на КЭФ [Электронный ресурс]: Российская кластерная обсерватория. URL: <http://cluster.hse.ru/news/1372/> (дата обращения: 24.01.2017).

36. Показатели социально-экономического развития Хабаровского края в 2015 году [Электронный ресурс]: Официальный сайт Правительства Хабаровского края. URL: <https://www.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=29179> (дата обращения: 26.01.2017).

37. Итоги социально-экономического развития Приморского края за 2014 год [Электронный ресурс]: Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/results/> (дата обращения: 26.01.2017).

38. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Информационно-правовой портал Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/> (дата обращения: 26.01.2017).

39. Экологические риски российско-китайского трансграничного сотрудничества // [Электронный ресурс]. URL: wwf.ru/data/pub/shvarts/russia-china_for_web.pdf

40. Глазырина И.П., Забелина И.А. Перспективы «зеленого» роста на востоке России и Новый Шелковый путь // ЭКО. 2016. № 7. С. 5–20.

41. Демографический ежегодник России – 2015 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 26.01.2016).

42. Богомолова Т.Ю., Глазырина И.П. Мотивы потенциальной миграции забайкальских студентов // Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 420–425.

43. Глазырина И.П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1. С. 19–35.

Zabelina I.A., Department for ecological economics, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Chair of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics, Transbaikal state university. E-mail: i_zabelina@mail.ru

Klevakina E.A., Department for ecological economics, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Chair of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics, Transbaikal state university. E-mail: bedew@yandex.ru

Denisenko I.S. Department for ecological economics, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Chair of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics, Transbaikal state university. E-mail: innesadis@mail.ru

REGIONAL STRUCTURAL SHIFTS IN THE POPULATION EMPLOYMENT: EASTERN REGIONS OF THE NEW SILK ROAD

Keywords: employment structure, border regions, Russian-Chinese cooperation, structural shifts, specialization branches.

The article is devoted to the study of structural shifts in employment of the population of the regions of transboundary interaction with China. It is established that for the time interval under consideration the structure of employment of the population in these regions has been transformed more significantly in comparison with the average national level, which indicates the presence of certain features. The use of the method of decomposition of the absolute change in employment in the economy on the causing components made it possible to identify certain activities that in recent years have been most affected by the regional factor in the context of the development of transboundary relationships.

References

1. Chzhu YU. «Odin poyas, odin put» i kitaysko-rossiyskoye trgovno-ekonomicheskoye sotrudnichestvo // Problems of the Far East. 2016. № 4, pp. 100–106.

2. Dong S., Li Z., Li Y., Shi G., Yu H., Wang J., Li J., Mao Q., Huang Y. Resources, Environment and Economic Patterns and sustainable development modes of the Silk Road Economic Belt // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6. № 2, pp. 65–72.

3. The idea of conjugation of the projects of the EAEC and the Economic belt of the Silk Road [Electronic resource]: The official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Access mode: <http://economy.gov.ru/minrec/press/interview/2015082704> (reference date: January 24, 2017).

4. Glazyrina I.P., Faleychik A.A., Faleychik L.M. Prigranichnoye sotrudnichestvo v svete investitsionnykh protsessov: poka minusov bolshe, chem plyusov // EKO. 2011. № 9, pp. 51–70.

5. Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Klevakina Ye.A. Ekologicheskaya sostavlyayushchaya ekonomicheskogo razvitiya: prigranichnyye regiony Rossii i Kitaya // EKO. 2014. № 6, pp. 5–24.

6. Zabelina I.A., Klevakina Ye.A. Strukturnyye sdvigi v ekonomike prigranichnykh regionov RF i KNR // Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost. 2015. № 46 (331), pp. 41–55.

7. Esteban-Marquillas J.M. A reinterpretation of shift-share analysis // Regional and Urban Economics. 1972. Vol. 2. № 3. pp. 249–255.

8. Arcelus F. An extension of shift-share analysis // Growth and Change. 1984. Vol. 15. № 1, pp. 3–8.

9. Spasskaya O.V. Makroekonomicheskiye metody issledovaniya i izmereniya strukturnykh izmeneniy // Scientific works of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2003. T. 1, pp. 20–39.

10. Memedovic O. Structural change in the world economy: Main features and trends. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2010, pp. 52.

11. Ehmer P. Structural change in China // Deutsche Bank Research. 16.02.2011 [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.dbresearch.com/MAIL/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD000000000270068.pdf.
12. Luukkanen J, Panula-Ontto J, Vehmas J, Liyong L., Kaivo-oja J., Häyhä L., Auffermann B. Structural change in Chinese economy: Impacts on energy use and CO₂ emissions in the period 2013–2030 // Technological Forecasting and Social Change. 2015. № 94, pp. 303–317.
13. Aralbayeva G.G., Afanasyev V.N. Prognozirovaniye strukturnykh sdvigo v otraslevoy strukture ekonomiki Orenburgskoy oblasti na osnove sistemy ekonometricheskikh uravneniy // Bulletin of the Orenburg State University. 2011. № 13, pp. 23–29.
14. Yelkhina I.A. Strukturnyye sdvigi i strukturnyye razlichiya khozyaystvennykh sistem v Rossii // Bulletin of the Saratov State Social and Economic University. 2014. No. 4 (53), pp. 38–41.
15. Karlina T.V. Identifikatsiya yader regionalnykh ekonomicheskikh klasterov na osnove analiza strukturnykh sdvigo v usloviyakh tsiklichno razvivayushcheyssya ekonomiki // Bulletin of Perm University. 2011. № 4, pp.22–25
16. Stroyeva G.N. Strukturnyye izmeneniya v zanyatosti naseleniya Khabarovskogo kraya // Educational notes of the Pacific University. 2014. T.5, No. 4, pp. 1396–1398.
17. Shi Ch. Y., Yang Y.A. Review of shift-share analysis and its application in tourism // International Journal of Management Perspectives. 2008. № 1, pp. 21–30.
18. Shmidt I.YU. Strukturnyye sdvigi v agrarnom sektore ekonomiki. Tver: Tver State Agricultural Academy, 2014, pp. 175.
19. Fan Sh., Zhang X., Robinson Sh. Structural change and economic growth in China. Review of Development Economics. 2003. № 7(3), pp. 360–377.
20. Urraca-Ruiz A. The technological dimension of structural change under market integration // Structural Change and Economic Dynamics. 2013. № 27, pp. 1–190.
21. Chen B. Modeling and testing smooth structural changes with endogenous regressors // Journal of Econometrics. 2015. Vol. 185. № 1, pp. 196–215.
22. Stock J.H., Watson M.W. Evidence on structural instability in macroeconomic time series relations // Journal of Business and Economic Statistics. 1996. № 14, pp. 11–30.
23. Hansen B. The new econometrics of structural change: Dating breaks in U.S. Labor Productivity // Journal of Economic Perspectives. 2001. № 15, pp. 117–128.
24. Stijepic D. A geometrical approach to structural change modeling // Structural Change and Economic Dynamics. 2015. Vol. 33, pp. 71–85.
25. Regions of Russia. Socio-economic indicators [Electronic resource]: Official site of the Federal State Statistics Service. Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/Connect/rosstat_main/rosstat/en/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (date of circulation: 20.10.2017).
26. Program of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC (2009 - 2018) [Electronic resource]: The law of the Russian Federation and the PRC. Access mode: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (reference date: 01/09/2016).
27. Mountain projects of Transbaikalia [Electronic resource]: Regional portal Far East and subsoil use. Mode of access: http://nedradv.ru/news/branch/?id_obj=02938b5c2157b22e8f17b92010001b4a (circulation date ^ 01/09/2016).
28. Norilsk Nickel promised to launch Bystrinsky GOK in the southeast of the region in the fourth quarter of 2017. [Electronic resource]: City portal Chita.ru. Access mode: <https://www.chita.ru/news/88321/> (reference date: 02.12.2016).
29. Lomakina N.V. Promyshlennoye razvitiye Dalnego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya: tseli, rezul'taty i vozmozhnosti dlya sotrudnichestva // EKO. 2014. № 6. pp. 25–39.
30. Program of socio-economic development of Primorsky Krai for 5 years (2013 - 2017) [Electronic resource]: Official site of the Primorsky Krai Administration and executive authorities of the Primorsky Territory. Access mode: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php> (date of circulation: January 19, 2017).
30. Programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraya na 5 let (2013–2017 gody) [Elektronnyy resurs]: Ofitsial'nyy sayt Administratsii Primorskogo kraya i organov ispolnitel'noy vlasti Primorskogo kraya. Rezhim dostupa: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php> (data obrashcheniya: 19.01.2017).

31. Strategy for the socio-economic development of the Jewish Autonomous Region until 2020 [Electronic resource]: Portal of government authorities of the Jewish Autonomous Region. Access mode: <http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/> (date of circulation: 19.01.2017).
32. Investment proposals [Electronic resource]: Investment portal of the Khabarovsk Territory. Mode of access: <http://invest.khabkrai.ru/> (date of circulation: 19.01.2017).
33. Program of social and economic development of the Amur Region for 2013-2017 [Electronic resource]: Official website of the Ministry of Economic Development of the Amur Region. Access mode: <http://mer.amurobl.ru/en/sections/55> (reference date: 25.11.2015).
34. Map of investment projects [Electronic resource]: Investment portal of Irkutsk region. Access mode: <http://invest.irkobl.ru/en/catalog?type=projects&hide-map=0&area=&otrasl=&nm=&cost%5Bmin%5D=&cost%5Bmax%5D=> (date of circulation: January 19, 2017).
35. The concept of the Transbaikalian mining and metallurgical cluster was discussed at the KEF [Electronic resource]: Russian cluster observatory. Access mode: <http://cluster.hse.ru/news/1372/> = (date of circulation on 01.24.2017).
36. Indicators of socio-economic development of the Khabarovsk Territory in 2015 [Electronic resource]: Official site of the Government of the Khabarovsk Territory / Access mode: <https://www.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=29179> (reference date: 26/01/2017) .
37. Results of social and economic development of Primorsky Krai for 2014 [Electronic resource]: Official site of the Administration of Primorsky Krai and executive authorities of Primorsky Krai. Access mode: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/results/> (reference date: January 26, 2017).
38. Strategy of socio-economic development of the Far East and the Baikal region for the period until 2025 [Electronic resource]: Information and Legal Portal Garant. Access mode: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/> (reference date: January 26, 2017).
39. Environmental risks of Russian-Chinese cross-border cooperation [Electronic resource]. URL: wwf.ru/data/pub/shvarts/russia-china_for_web.pdf
40. Glazyrina I.P., Zabelina I.A. Perspektivy «zelenogo» rosta na vostoке Rossii i Novyy Shelkovyy put // EKO. 2016. № 7. pp. 5-20.
41. Demographic Yearbook of Russia - 2015 // [Electronic resource]: Official site of the Federal State Statistics Service. Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (date of circulation on 01/26/2016).
42. Bogomolova T.YU., Glazyrina I.P. Motiv potentsialnoy migratsii zabaykalskikh studentov // Prirodnyy kapital regiona i rossiysko-kitayskiye transgranichnyye otnosheniya: perspektivy i riski / edited by Glazyrinoy I.P., Faleychik L.M. Chita: ZabGU, 2014. pp. 420-425.
43. Glazyrina I.P. Mineralno-syryevoy kompleks v ekonomike Zabaykalya: opasnyye illyuzii i imitatsiya modernizatsii // EKO. 2011. № 1. pp. 19-35.

Zabelina I.A., Klevakina E.A., Denisenko I.S. Regional'nye strukturnye sdvigi v zanyatosti naseleniya: vostochnye regiony novogo shelkovogo puti [Regional structural shifts if the population employment: eastern regions of the new silk road]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 80–98.